

Иван Александрович Гончаров

**Два случая из морской
жизни**

**Гончаров Иван
Александрович
Два случая из морской
жизни**

И.А.Гончаров

Два случая из морской жизни

"Что это за морская жизнь: разве жизнь не одна, а много... нельзя сказать - "жизней"? Жизнь и в грамматике множественного числа не имеет!" возразит педант и поправит вместо морская жизнь - жизнь на море. Можно спросить его, а что такое монастырская жизнь, семейная жизнь, светская жизнь? - пусть поправляет все это, если есть охота и время! Никто не будет разуместь под этим другую какую-нибудь жизнь: жизнь везде одна, то есть мотив ее один и тот же, как один мотив проходит в иной опере через все акты сквозь ряд варьяций. Характер и обстановка жизни - то же, что варьяций на заданную тему.

Вас много собралось около меня слушать мой простой и правдивый рассказ о том, как терпят бедствия на морях: на лицах у вас написано удивление. Вы, я вижу, не верите, что жизнь на море и на берегу одно и то же? "Как: на берегу так покойно, а там качает! - скажет тот или другой, та или другая из вас; - на берегу, - продолжаете вы, - разнообразно, ви-

дишь - сегодня сад, завтра реку, поедешь в театр, к mon oncle или к ma tante*, на танцевальный класс, покатаешься в коляске или верхом. А там все видишь небо да море: ни направо, ни налево ступить нельзя, все сиди в каюте, читай, пиши и вздыхай о берегу..." Кто это говорит? это вы, молодой человек, с беспокойным взглядом, узел галстука у вас на стороне, спина выпачкана в белом... Вы, должно быть, охотник побегать, пошуметь, вы, верно, первый нетерпеливо оставляете класс, когда учитель еще сидит на месте и все прочие дослушивают последние его слова. Вы соскучились бы видеть на море одно и то же, вам негде бегать, шуметь: утешьтесь, вы можете лазить там по мачтам, по снастям и предаваться такой гимнастике, какой нет на берегу; для вас есть рыбная ловля, пляска и песни матросов и много других удовольствий. Но разве удовольствия стоят на первом плане путешественника? Или лучше спросить, разве у путешественника должны быть те же удовольствия, что на берегу? Вы слышите: тема, то есть жизнь, одна, а варьяции другие. Это самое несходство в варьяциях и есть удоволь-

ствие. Оно и кладет печать оригинальности на всякий ваш шаг на корабле, на всякий обычай. Притом, кто едет морем, у того, конечно, на уме другие цели, важнее беганья. Если он едет недалеко, например, во Францию, в Англию или Италию, у него одна мысль - о том, что увидит он, как поразит его новая страна, новый народ, все, что непохоже на виденное им у себя... И мало ли вопросов родится у него в голове, мало ли ожиданий зашевелится в сердце? О скуке не может быть и помину, разве помучаешься только нетерпением, скоро ли увидишь все это? Но нетерпение - не скука: в нетерпении сердце замирает, мысли кипят, в ногах и руках делается зуд, волнуешься: весело, это жизнь! Даже самый резвый, пылкий юноша, как вы, например, и тот присмирится, сделается важен, задумчив и будет походить на мужчину. А если ехать дальше, в Америку, в Индию, в Китай - одна мысль как будто поднимает вас на аршин от земли! Это не путешествие, это целый том жизни! Тут одно приготовление к обозрению этих стран поглотит все время, тут человек в месяц вырастет и созреет в ученого мыс-

лителя, географа, этнографа, филолога, естествоиспытателя или поэта, поклонника красот природы.

---

* дядюшке или тетушке (фр.).

- Но на берегу иногда являются неожиданные удовольствия, - слышу ваше возражение, - приезд кузней и кузин, театр, сюрпризы; перед Рождеством елка, подарки... А летом поездки на дачу, катанье по пруду... на острове мы пьем иногда чай...

Смешно и жалко слушать вас: елка, подарки, катанье по пруду: это вы называете сюрпризами, удовольствиями! На море, конечно, этого нет. Зато есть... Представьте себе: вы сидите, например, в каюте, читаете, пишете или думаете о доме, о елке, сюрпризе, катанье по пруду, может быть... Положим, это будет на Рождестве или около Крещенья: а вы в белой курточке и панталонах, без жилета, без галстука, потому что душно в каюте, а на воздухе солнце печет... Вдруг кто-нибудь мимоходом бросит вам два слова, всего только два, но какие магические слова! "Берег виден!" и только. Боже мой! что с вами: вы покраснели от

радости, дрожите, хватаете зрительную трубу и бежите, не чувствуя под собой ног, наверх. Что же это за берег? Не островок ли пруда, с полинявшим храмом Славы, с безносой статуей, с тремя деревьями, под которыми вы собираетесь пить чай?.. Нет, это остров Куба, или Ява, или Люсон, или берег Китая, Индии, Америки... Боже мой! какие горы, какие скалы, что за леса! что за народ! Вот это сюрприз! Когда и от чего затрепещешь еще так в жизни? Это не то, что дача, где песчаная дорожка обсажена тощими деревьями: вы идете в мрак тысячелетнего пальмового леса, видите рой пестрых, невиданных у нас птиц, бабочек, величиной с вашу фуражку, да еще к этому присоединится поэзия страха: ожидание, что выскочит к вам тигр, выползет боа... А подарки на елку? Вам дома подарят - самое лучшее - это часы или чернильницу: а здесь - боже мой! Вас окружают лодки, на корабль с обеих сторон лезут негры, малайцы, дикари: тот привез живую обезьяну, другой звериных шкур, третий редких раковин, насекомых, а там едет целая лодка с ананасами или такими плодами, которых вы не видывали, кото-

рых не умеете назвать и которые так и тают во рту. Иные - не знаешь, как и есть: в Китае, в лавке, я увидел маленький фрукт, взял его, облупил кожу и бросил, а средину положил в рот: кисло, гадко! я с гримасой выплюнул, а китайцы расхохотались. Дело в том, что средину надо было бросить, а кожу съесть: она превкусная. Глаза разбегаются: вы покупаете и птицу, и обезьяну, и кучу раковин, и сотню ананасов - за полтора рубля, и потом засмеетесь сами над собой, не зная, что с этим делать. Обезьяна вам надоест, ананаса вы и одного не съедите, прочие бросите, потому что завтра привезут свежих... Вы накупили всего и в радости мечтаете, как вы, возвратясь домой, уберете ими свой кабинет, как в кругу друзей будете вспоминать, показывая то ту, то другую вещь: вот эту трость я купил в Батавии: она из тамошнего тростника; это ожерелье из кораллов променял у дикого на бусы, на островах Отаити; эту фарфоровую чашку сам купил в Кантоне, эти страусовые перья и шкуру пантеры добыл в Африке, и припомните, как и у кого. Каждый день, стоя у какого-нибудь берега, вы будете ездить то в ту, то

в другую сторону, и каждый шаг, каждый предмет внесете, как богатое приобретение, драгоценный вклад, в архив памяти, и все послужит живым памятником живого изучения природы, чужих стран и людей, уже не по тетрадке и не по книге, не со слов учителя, не по картинке, а собственным опытом. После всего этого что станется с вашими воспоминаниями о даче, с подарками на елку, с вашим прудом и островком, с безносой статуей Славы! Сознаться, что побледнеют эти воспоминания, а сами вы покраснеете от стыда, что такие мелочи ставили наравне с великолепными развлечениями, сюрпризами и необыкновенными удовольствиями путешествия!

После всего этого и переход морской, хотя бы он продолжался месяц, два, не покажется вам скучным. Вы употребите это время на приведение в порядок ваших впечатлений, перенесете их на бумагу, разберете коллекцию собранных чучел, раковин, камней, насекомых. А потом? потом будете готовиться к новому уроку, который пошлет вам судьба, то есть к новому берегу, к новому небу, к новым

городам, к новым чудесам, сюрпризам и подаркам, и даже иногда, поверите ли, пожалее-те, что скоро пришли к новому месту, что еще старое впечатление не улеглось, что вы еще не успели выпить до конца прежней сладкой чаши и вот уже новый напиток подносит вам как будто услужливая рука той доброй волшебницы, о которой вам рассказывала няня или о которой вы читали в сказках.

Что? Вы, я вижу, задумались: куда и резвость девалась? И не шалите вы, не щиплете тихонько товарища, не ломаете нетерпеливыми руками переплета книжки... значит, согласились со мной.

- Но на море качает? - говорите вы в ответ, - тогда и ходить нельзя по кораблю, нельзя лазить...

- А вы все свое, все гулять и лазить! А на берегу, если идет дождь, если грязно, ветрено, сильный мороз, вы тоже сидите дома, не гуляете, или бегаєте в комнатах: не бог знает какое развлечение! Это все не беда: зато в тихую погоду вы не сойдете с палубы вниз, не устанете смотреть на море, на небо, особенно на небо! Вы здесь привыкли видеть одни

звезды, в южном полушарии увидите другие. Сначала вас займет их богатый узор: светила разбросаны, как песок, и каждая звезда светит своим особенным блеском, ярким, нежным, разноцветным. Никакой хрусталь, никакие брильянты не сверкают такими огнями, ни на какой картине не увидите вы таких красок, какими горит небо и днем и ночью! Какая тишина, какая теплота и нега разлита в тропическом воздухе! Море днем лежит около корабля как необозримое поле, чуть-чуть волнуясь, а иногда не зыблется вовсе и как будто дремлет в мертвом покое. Вода прозрачна, и взгляд глубоко погружается в кристальную влагу, следя иногда за ходом рыбы. Ночью море блещет фосфорным светом, который окружает корабль потоками серебра и пламени. А на небе, в пучине розово-палевого Млечного Пути сверкают эти яркие необыкновенные звезды... Кто на море не бывал, тот богу не маливался, говорит пословица: да, это правда; но не от страха молится на море человек, а оттого, что ближе чует бога над собою и явственнее видит чудеса его руки. Как горячо вы будете там плакать и молиться, когда бу-

дете стоять лицом к лицу с этими роскошными чудесами мироздания! Что представит вам лучше и величавее берег? С какими удовольствиями сравните вы эти... не удовольствия - это мало и слабо, нет, эти радости, это счастье, выходящее из круга обыкновенного счастья и дающееся немногим?

Да! всякая мелочная мысль, всякое возражение покажется пошлым и бессильным перед такими наслаждениями.

Но не стану лукавить и скрывать от вас, что это все окупается, как и всякая радость на земле, некоторыми неудобствами, даже подчас горем... Ведь жизнь, сказал я вначале, везде жизнь, то есть одна и та же; так она создана, стало быть, и на море, как и на берегу, перемешана пополам с горем. Вы упомянули о качке: это ничего, что она мешает гулять или заниматься делом, но она порождает болезнь, известную под именем морской. Это одно из главных зол, которое подчас заставляет пожалеть о берегу. Я не знал этой болезни, ни разу не испытал ее, но это редкое, счастливое исключение, которое в пример другим поставить нельзя. Почти все подвержены ей, одни

более, другие менее. Что же это за болезнь? Человек не испытывает в ней никакой боли: когда спросишь больного после качки, что он чувствовал, он и рассказать не может. Он опять здоров, весел, даже счастлив, потому что пришел опять в себя и не хочет помнить зла. А когда спросишь во время качки, он молчит, только стонет, мучительно озирается вокруг, и опять ничего не добьешься. А если и скажет, то неопределенно: "Тоска, сердце ноет, слабость, рвота, не глядел бы ни на что, жизнь не мила". Но качка прекратилась, больной смеется и просит есть, потому что во время припадка пища на ум нейдет и он суток трое просидел без обеда и без ужина, даже без чаю. Стало быть, в качку нет житья? Ведь она иногда продолжается недели две, три: все болезнь да болезнь - это отравляет жизнь и - бог с ними - со всеми этими чудесами! Утешьтесь: к морю привыкают, и после двух, трех хороших качек болезнь действует все менее, менее и, наконец, совершенно прекращается. Такие примеры редки, чтобы всегда укачивало. Из четырехсот человек у нас один только никогда не мог привыкнуть к

морю, но он вообще был болезненного сложения. Видите ли, и тут есть утешение! А прожив на корабле месяца два, потом уже не обращаешь внимания на качку, даже ходишь свободно, нужды нет, что пол колеблется под ногами: вы стоите как будто на земле, только поднимаете то одну, то другую ногу, как будто приплясываете. Это называется приобрести морские ноги. Качка, бури все это входит в число обыкновенных явлений жизни, как на берегу дождь, слякоть, ветер, гололедица и т.п. явления.

Теперь, кажется, все возражения и сомнения решены, вы молчите и, стало быть, согласны со мной, что морская жизнь не представляет существенной разницы от береговой, а только имеет другую обстановку, то есть другие внешние обстоятельства, которые придают ей свою оригинальную физиономию, и очень занимательную.

Я еще не сказал вам о некоторых важных выгодах морской жизни. Например, там нельзя жить дурному человеку, то есть с дурным характером, правилами... Или, ежели и попадет такой человек, он непременно делается

хорошим - хоть на время по крайней мере. Там каждый шаг виден, там сейчас взвешают каждое слово, угадают всякое намерение, изучат физиономию, потому что с утра до вечера все вместе, в нескольких шагах друг от друга, привыкают читать выражения лиц, мысли. Лгун, например, или злой, скупой, гордый, как он станет проявлять свои наклонности? Сейчас все обнаружится - и как ему будет худо, если все осудят его общим судом, накажут презрением: хоть вон беги! А куда бежать? Он тогда решительно будет один в целом мире и поневоле будет хорош, иной даже исправится навсегда.

На море не тратится время по-пустому, нет визитов, нет принуждения, не надо играть чувствами, то есть оказывать сожаление или радость, когда это не нужно или нужно для приличия; не надо остерегаться и держать, как говорят на берегу, "камень за пазухой" против явного и тайного врага; все это или сокращено, или упрощено: вражда превращается в дружбу или оставляется до берега, ссоры невозможны, они мешают жить прочим, а там целое общество живет не какою-то двой-

ной, про себя и вслух, жизнь, не имеет в запасе десять масок, наблюдая зорко, когда какую надеть, а живет одною жизнью, часто одною мыслию, одними желаниями. Только воспоминания и цели у всех различные, то есть прошедшее и будущее, настоящее принадлежит всем одинаково, оно у всех общее. Там не нужно ни краснеть, ни бледнеть...

Что я слышу? "Страшно на море!" Кто это сказал: повторите. Что ж вы все молчите? кто говорит "страшно"? Ужели вы, молодой человек? По вашим черным глазам, с выражением самоуверенности, по крепкому сложению, я так и назначал вас мысленно "на марсы" вверх, так и вижу, как, в крепкий ветер, вы лезете по вантам, идете по реям... Но вы делаете презрительную мину... нет, это не вы: извините! Кто же? не вы ли, с кротостью на лице, вы что-то задумались... Вы не слышите моего вопроса: вы замечтались о чем-то... вздыхаете...

- Я следил за вами, я был на берегах Индии, Китая, я был в пальмовых лесах, смотрел на небо, на море... Вы увлекли к чудесам мира: не грех ли вам подозревать меня в трусости...

- Извините, пожалуйста, но вас много - кто же это?

- Не мы, не мы, - говорите вы, почти все.

- А кто же это спрятался сзади всех? Пожалуйста сюда. Девушка: ну, я очень рад. А прекрасная девушка: стройная, высокая не по лезвиям, нарядная. Бархатные ленточки в косах, кружевная оборка около ног, ботинка парижская, кисейное платье, брошка, три колечка... Ну, вы не пойдете в море: никто от вас и не потребует этого. Вы будете ездить в карете, вас на лестницу поведет лакей, двери сами станут отворяться перед вами. Вам "страшно" кажется на море. Но я думаю, что вам страшно остаться и в комнате одной: вы, вероятно, из тех неземных существ, которые в каждом темном углу воображают вора, которые не могут взглянуть без дурноты на ящерицу, на лягушку, боятся не только собаки, но гуся, индейского петуха, и везде видят беду, ужас, вред?.. Вы краснеете: я угадал. Если вы не боитесь мертвецов, домовых, леших, так потому только, что у вас нянька-англичанка, ходит в чепце и не слыхала о домовых и оттого не верит им. А будь на ее месте какая-нибудь Те-

рентьевна, с платком на голове, в очках, с чулком, так вы бы боялись заснуть одни в своей комнате, вам бы снились ведьмы... Что сказать вам? Бойтесь вы от избалованности, от непривычки. Я знал одну барыню, которая боялась и воров, и собак, и лягушек, и домашних. Лишь только останется одна в комнате, ей непременно почудится что-нибудь и она закричит что есть мочи: бежит няня (у ней была Терентьевна), бежит маменька, бегут горничные, суетятся, приводят в чувство... Потом я видел эту барыню в зрелой поре, без няни, без кареты, без мамыши и горничных. Она скромно ходила пешком, давала уроки на фортепиано (как изменчива судьба!) и тем доставала себе пропитание. Что же? она рассказывала мне, что, возвращаясь откуда-то к себе, вечером, в четвертый этаж по лестнице, и ощупывая в потемках стену, она вдруг слышит стон, потом умоляющий голос просит помощи... Что ж она? упала в обморок, спросите вы? Прибежали горничные, няни? Нет, она спросила "кто тут?". И, не получив ответа, пошла дальше, а потом залегла свечу, вышла посмотреть и нашла какого-то жильца того

же дома, который не смог дойти до своей квартиры, прислонился к стене и заснул на лестнице. А проснувшись, не мог понять, где он... Она расхохоталась, велела дворнику довести его до его квартиры. А прежде бывало! Это, конечно, случай не из морской жизни, но и он, может быть, пригодится вам, милая трусиха! Кто знает, какая участь постигнет вас! но боже меня сохрани быть, быть... oiseau de mauvaise augure*, скажу, для вас, по-французски! Это вам понятнее.

---

* предвестник несчастья (фр.).

Что же страшного на море? "Бури, конечно, грозы, валы!" Это все обыкновенные происшествия там. На крепком корабле это ровно ничего не значит, а не на крепком никто не ездит. Случаются кораблекрушения, гибнут люди... А на берегу разве не случается пожаров, не падают потолки, не умирают от холеры? Я не знаю, как вы решаетесь ездить на ваших горячих лошадях: посмотрите, кучер насилу их держит. Стоит какому-нибудь шалуну вдруг выскочить из-за угла и крикнуть, ускнуть на них - они и взбесились, и понесли

вас: коляска набок, вы падаете головой на мостовую... Чем же лучше опрокинутая коляска опрокинутого корабля?

Иные так разборчивы, что ужасно затрудняются в выборе смерти. Многих заблаговременно занимает этот вопрос. Некоторым особенно не нравится тонуть... А чем же это хуже, повторяю, паденья из коляски и разбитого о мостовую черепа, например? Волна, как живой послушный зверь, так и вытягивает свой длинный хребет, свою изумрудную голову, так красиво играет жемчужной гривой, как будто говоря: "Пожалуйте ко мне, если угодно утонуть: я очень вежлива, не стану хватать вас насильно, принуждать; вам стоит только упасть, а я и утоплю вас, не сделаю никакой боли, и не изуродую, ни крови не будет, даже не изорву и не изомну вашего платья; если угодно, я всегда к вашим услугам: вы как будто заснете..."

Но думать о смерти - значит уже заглядывать за пределы жизни: такая предусмотрительность вам не по летам. А если уж непременно хочется, то чем заглядывать в мечтах, воображениях, послушайте лучше, как мы

чуть было не заглянули туда два раза на самом деле и как беды пронесли мимо без всяких последствий.

Вы, может быть, ожидаете от меня какой-нибудь великолепной картины крушения: вам, конечно, хотелось бы, чтобы судно разбилось об утес, а мы спасались бы на досках, или ураган сломал бы все три мачты, оторвал руль, унес паруса, чтобы беспомощный корабль носился по воле ветров несколько суток, пожалуй, недель, по бурному морю; мы простирали бы к небу руки, умоляя о спасении... Между тем провизия вышла, мы томимся голодом и жаждой, доходим до отчаяния, готовы съесть друг друга. Наконец нас принесло к неизвестному острову и разбило об утесы, мы попадаем в руки диких. Они пляшут около нас военную пляску, зажигают костер и... делают из нас жаркое...

Поэзия старых времен! Все это можно видеть, не выезжая из Петербурга, в балете или опере. Там даже оно красивее, нежели в натуре: больше блеску, ярче. На море теперь это редкое явление. А говорят, все эти бедствия - не выдумка, не сказки: многие мореходы не

воротились: Кук, Лаперуз, недавно еще Франклин! А сколько неизвестных, темных имен погибло в волнах, у подножия безмолвных утесов, под ножом диких, под зубами львов, тигров! Великие благородные жертвы знания и труда! Эти герои уладили нам путь по своим следам, запечатленным кровию; мы, по милости их, одерживаем теперь легкие победы над океанами, над зверями и над дикарями. А каково было им!

Мрака неизвестности теперь нет: каждый уголок моря, залив, бухта, глубина, подводные камни, каждый берег - все описано в так называемых лоциях, показано на картах, как кварталы, площади и улицы города. Известен характер каждого моря, как нрав человека: его сердитые и тихие минуты, все привычки и капризы. Времена года под каждой широтой - все исследовано и записано, и новейший мореход плывет по готовому, уже растолкованному уроку. Он только наслаждается плодами предшественников и если попадет на подводный камень, так по собственной неловкости или по небрежности. Голодная смерть тоже мудреное дело: морские переходы

ды, благодаря парам и изучению теории ветров под всеми широтами, сократились более нежели втрое: в Америку из Англии прежде надо было плыть месяца три, а теперь ходят туда в две недели; на мыс Доброй Надежды вместо полугода приходят в пять, много шесть недель. Легко запастись на такой срок провизией и водой. Провизию сушат, прессуют и сохраняют в наглухо закупоренных ящиках на целые годы. Наконец придумали паровой снаряд для превращения соленой морской воды в пресную, следовательно, нельзя умереть от жажды. Корабли так крепко строят теперь, что мачты редко ломаются, и рули тоже, а если и случится такой грех, то искусство и опыт научили заменять на время мачту стеньгой (верхняя часть мачты, на которой прикрепляется парус), вместо настоящего руля делают фальшивый и кое-как добираются до ближайшего места, а в ближайшем месте есть верфь или европейская фактория: путешественников ласково приютят и починят судно, а если нельзя починить, то с первой почтой, а не то так еще скорее, по телеграфу, дадут знать домой и вместо разбившегося суд-

на вышлют новое. Попадешься к диким... Да где нынче дикие? Если и есть, так те потеряли вкус к человеческому мясу: прежде, бывало, они любили водку, а теперь подавай им шампанского! Бывало, они расписывали себе тело яркими красками, а теперь рядятся в мундиры. Сколько их приезжает в Париж, в Лондон! Дома у себя кто содержит трактир, кто завел карету и ездит кучером; другие моют белье, шьют на европейцев платье, все спекулируют на любопытство и карман путешественника. Пойдет ли тут в горло человеческое мясо!

Но вы, я вижу, нетерпеливо ждете рассказа о двух случаях, как мы попали было в беду... Сейчас, сейчас! Еще одно замечание: вам, кажется, не нравится слово было, поставленное после попали? Я вижу это по вашим недовольным лицам. Попали было - значит и освободились: не так интересно. Ужели вы такие злые? Не может быть: это мне так показалось.

У меня в портфеле сохранился листок дневника, который я вел на пути от Японии к Ликейским островам: там записано, шаг за

шагом, день за днем, все, начиная от погоды до грозившей нам опасности включительно. Прочитаю вам его почти без перемен, как отрывок из морской жизни, который, может быть, покажется вам любопытен, только вставлю некоторые необходимые объяснения, относящиеся до морского дела, чтоб для вас не встретилось чего-нибудь непонятного.

24 января 1854 года мы вышли на фрегате "Паллада" из Нагасаки. Небо облачно, но море тихо. Идем от двенадцати до четырнадцати верст в час, прямо к югу, с попутным ветром. Ночью мы спали покойно, как будто стояли на якоре. Утром Фадеев (служивший мне матрос) на мой вопрос, под каким ветром идем, сказал: "идем фардак, ваше высокоблагородие!", то есть на фордевинд. Это такой ветер, который дует сзади, прямо в корму. Ветра, дующие с боков, называются багштаг и гальфвинд. Это всё попутные ветра. Когда идут на фордевинд, паруса ставятся прямо и покрывают мачты сверху донизу; судно не клонится на сторону и представляет самый картинный вид.

С 25 января стало чувствительно, что пода-

емся к югу: в воздухе все теплее и теплее. Ход так же хорош; к ночи полагают пройти мимо островка "Клеопатра", а к восьми часам утра увидеть другой островок, "Сульфур", с курящимся пиком, от которого, говорят, далеко по морю разносится запах серы.

Около фрегата медленно и как будто уныло носились альбатросы, огромные морские чайки. Капитан велел принести ружье, попробовать своей и моей ловкости. Но оба мы дали по промаху. Да и настоящие стрелки, в качку, притом пульей и влёт, не попали бы в птицу. А когда зарядили ружья дробью, альбатросы отлетели от фрегата на расстояние вне выстрела и сели на воду, как будто догадались, в чем дело.

Не в восемь часов утра, а в три пополудни подошли мы к Сульфуру (по-латыни значит сера), потом оставили его на ветре, и на нас в самом деле раза два пахнуло серой. Но ни дыма, ни огня на вершине пика мы не заметили. Мы легли в дрейф, то есть расположили паруса так, чтоб одни из них влекли судно вперед, а другие противудействовали и удерживали его на одном месте; спустили шлюпки на во-

ду, и некоторые из наших поехали на берег, да там и сели. Бурунами их почти выкинуло на берег, а во время отлива шлюпка замелела, и они должны были заночевать там. Остров со всех сторон имеет крутые красноватые бока, местами только зеленеет на них трава. Наши нашли там жителей, которые ласково приняли гостей, то есть сначала знаками просили не подъезжать, а когда увидели, что их не слушают, то встретили с поклонами. Это, кажется, общепринятое на крайнем востоке правило гостеприимства в отношении к чужестранцам. Утесы так круты, что надо подниматься вверх с помощью веревок. Жилища жителей состоят из хижин, очень чистых, устланных циновками. Около хижин есть поля с посевами риса и кусты. Кругом острова и нашего фрегата беспрестанно играют киты мелкой породы; пускаемые ими фонтаны то и дело брызжут тонкой струей, и кое-где покажется хребет или голова зверя. В воздухе разлита влажная теплота.

Сегодня только, 26, в семь часов утра явились наши искатели приключений. Они провели ночь на камнях, под парусом, хотя жите-

ли и звали их к себе. Они даже ничего не ели: им послали провизии и чаю, но катер, по причине сильных бурунов, не мог пристать к берегу. Мы посмеивались над ними. "Есть по крайней мере что вспомнить!" - говорили они в утешение себе, как будто все воспоминания хороши! Все, что видели они, было в японском вкусе: жители, их деревенька, костюмы и поклоны. Кажется, это колония ликейцев, обрабатывающих серу.

30. Темнота, дождь так и льет, как будто у нас в Петербурге. Впрочем, конец января и февраль самое неприятное время здесь, по словам путешественников: бурно, дождливо и холодно, то есть по-нашему жарко, о морозе и помину нет, но здешние жители находят, что им холодно. Фрегат бежит, как добрая тройка лошадей, и нам пора бы быть на Лючу. Но темнота помешала в полдень определить место, где мы были, и вечером пришлось держаться открытого моря, чтоб не наткнуться на один из мелких островов. Раза два подходили к большому острову Лючу, но в тумане проскочили мимо, дальше к югу.

Наконец сегодня подошли к острову: он

уже в виду, на глазомер занимает почти полгоризонта. Берег неровный, изрытый: то холм, то едва видная узкая полоса, то громадный гранитный утес. Но все еще сливается в одну массу и в один цвет - синеву, колорит всякой дали. В шесть часов вечера подошли ближе. Нас, от берега и рейда, отделяет длинная гряда коралловых рифов, в которой есть только два узких, как ворота, входа; ночью войти нельзя - как раз стукнешься о камни. Последние или скрыты под водой, или показывают свои ослепительно белые, омываемые водой и обвеваемые ветром головы: точно зубцы гребня или крепости. Прочие наши суда уже на рейде, корвет "Оливуца" и транспорт "Князь Меншиков". Оттуда приехал офицер и сказал, что он уже был на берегу, что прежде нас заходили американские суда, ушедшие в Японию, и оставили на Лючу несколько больных матрос и двух офицеров да груз каменного угля для своих пароходов. Мы бросили якорь в виду берега, недалеко от каменных рифов, и легли было спать, надеясь завтра быть на рейде, за каменной стеной, в безопасности, гулять по новому берегу, позна-

комиться с жителями. Все мечтали о сюрпризах, о подарках...

Ночью задул крепкий ветер, началась сильная качка. Надо помнить, что мы стояли на якоре не на рейде, не в гавани, закрытой со всех сторон от ветра и моря, а в самом океане, на просторе, где ветрам и волнам полный разгул и свобода. Стали травить канат, то есть выпускать более и более каната, чтобы он не натягивался от напора ветра и не подвергался опасности лопнуть. Кажется, было вытравлено до восьмидесяти сажен прежде, да теперь стали прибавлять еще. Весь канат имеет до ста пятидесяти сажен длины. Кругом была непроницаемая мгла. Дождь хлестал с остервенением, в воздухе реяли огненные струи, ветер ревел, заглушая гром. Того и гляди, подрейфует, то есть силой ветра потащит судно и с якорем, а сняться в темноте, среди рифов, и думать нельзя. Все поглядывали заботливо друг на друга. Спать - отложили попечение. Да и качка была такая, что с постели сбрасывало. Ну, как приткнет к камням? Через час волнением разобьет судно в щепы. До полуночи мы были в сомнительном

положении. Потом, о счастье! с переменой течения переменялся и ветер, стал дуть от берега к морю, в простор. Проглянула луна, звезды, стало тепло... Пойду гулять.

Не надо ни на что полагаться слепо в жизни: судьба как будто подкарауливает человека, когда он перестанет оглядываться вокруг, не летит ли откуда-нибудь камень, и только забудется - она и отрезвит его от забвения, как отрезвила нас. Больно от спокойствия и беспечности возвращаться к тревожному чувству тоски! Нам предстояло провести еще сутки на рубеже жизни и смерти. 30 января начали было сниматься с якоря, но вдруг набежал с моря шквал: это бурный и внезапный порыв ветра. Отдали другой якорь, и от этого положение наше стало вдвое хуже. Выдайся час или два тихие - и мы успели бы вытащить один канат и один якорь, но наматывать двести сажен вместо ста, вытаскивать два якоря - надо, два времени и две трудные работы. Вдобавок к этому якорная цепь за что-то задела; долго провозились за этим и стали поднимать второй якорь: в шпиле (на который наматывается канат) перевернулось что-то: ряд

неудач! и он не пошел. Опять новая, непредвиденная возня и работа, и все на счет коротенького выдавшегося нам периода сносной погоды! А между тем порывы ветра повторялись все чаще. Работали неумолимо, с двойным усердием и силой: еще четверть часа - и второй якорь был бы поднят; поставили уже паруса, как вдруг дунул жестокий порыв ветра, паруса надулись... "Дрейфует!" - закричал вдруг наблюдавший за лотом штурман, и закричал особенным голосом, какой является только в необыкновенную минуту: нас, с невынутым еще якорем, быстро тащило парусами - прямо на рифы... За этим криком следовал момент всеобщего оцепенения и тягостного молчания. "Отдать якорь! марсогитовы тянуть!" - раздалась в одно время команда - и в одно время загремела цепь, бухнул якорь в воду и паруса исчезли. Фрегат остановился: мы свободно вздохнули. Перед нами, менее нежели в полуверсте, играли буруны, неистово переливаясь через рифы: солнце ярко озлащало сверкавший в глазах наших поток жемчуга, алмазов и изумрудов, кипевших, крутившихся и исчезающих в белой пене буру-

нов, и еще ярче обливало золотом зеленый, смеющийся берег. Вблизи зияющая могила, за ней глядела на нас жизнь, со всей роскошью и красотой! Вы видали, как вода кипит и бурлит под мельничным колесом: представьте исполинское колесо, на версту или более роющее воду. Океан свободно катит волны и вдруг разбивается о каменную стену! Он как будто толкал нас туда, в клокочущую бездну, и мы упирались у порога ее, как упирается человек или конь над пропастью. Ветер все крепчал, и нам оставалась борьба с океаном и вопрос с сомнением, кто одолеет? Останемся ли мы, или... Смерть от нас в двухстах саженьях: как надеяться, что канат, даже два, устоят против напора ветра, волн и тяжести огромного судна? Зыбь идет ужасная; длинные океанские волны играют судном, как скорлупой; качка килевая, то есть вдоль фрегата, который поднимает высоко нос и бьет им со всего размаха о воду... Мы ходим под страхом, в томительном ожидании, все носят в себе тупое чувство тоски, неизвестности, стараются не глядеть друг на друга, отворачиваются, но беспокойные взгляды падают все

на одну картину, все на жемчужно-изумрудную длинную, теряющуюся вдали полосу белых волн - в свирепой игре с ветром: чу! как воет: *memento mori* (помни смерть!) слышится в этом реве! А дальше, дальше - равнодушный, неподвижный берег: все дремлет там в покое, все дышит и блещет теплою, радужною жизнью. Под защитой его стоят и не шелохнутся наши суда, по берегу видны кровли, движутся фигуры людей, счастливых конечно! Туда бы!

Как ни быстро убрали паруса и отдали якорь, а нас в это время успело отнести более кабельтова (кабельтов - сто сажен) к рифам. Но каково, однако, сутки глядеть в глаза смерти! Говорят, кому случалось на один миг стать с ней лицом к лицу, те седали. Может быть, оттого именно, что один миг, а в сутки можно и привыкнуть немного... даже умереть. К чему не привыкает человек! Если б лопнул канат, надежды к спасению не предстояло, а если б у кого и затаилась она, так сейчас найдется услужливый товарищ, который очень обязательно и обстоятельно докажет, что она тщетна. "Как тут спастись? гово-

рил мне один, - шлюпки с наших судов, конечно, бросятся на помощь, да ничего не сделают: к бурунам подъехать им нельзя, их как щепки втянет и измельет о камни А если и подъехали бы - что толку? Разве посмотреть, из любопытства, как будет бить фрегат о камень, как посыплются пушки, люди, как мы будем нырять один за другим в бездну: в такую погоду им надо взять полное число гребцов на шлюпки, иначе не выгребут: много ли же останется места для четырехсот утопающих? Да где тут!" - заключил он, махнув рукой на рифы и отворачивая глаза в другую сторону. Смельчак С[авич] приехал в вельботе навестить нас, как приятель приходит навестить безнадежного больного, вперит в него любопытно-сострадательный взгляд, постоит, вздохнет и печально отойдет прочь. Я смотрел, как он понесся по океану в утлом вельботе, назад, за рифы, на корвет, в мирную пристань, где ни печали, ни воздыхания не было. Волны ужасные; за третьей, за четвертой волной вельбот вдруг пропадал из глаз, с мачтой, с парусами, и потом опять вылезал на пятую волну, точно из ямы, медленно,

неловко, сначала носом, потом уже кормой, и не успеет стать прямо, как вдруг провалится, и минуты три не видеть его, думаешь, пошел ко дну... нет, вон вылез! Долго следил я за ним, отчасти любопытными, отчасти завистливыми глазами. "Отчего же было не поехать с ним?" - может быть, шевелится у вас вопрос в голове. А какое я имею право? Всем, конечно, хотелось бы быть на берегу, а всем нельзя. Начальник экспедиции, капитан имели полную возможность уехать, но кто же это сделает? Никому и в голову не приходило об этом. Такое эгоистическое попечение о своей жизни встречено бы было - уж я и не знаю чем. Но как ни любопытно было смотреть в глаза смерти, однако ж надо было все-таки поддерживать остаток жизни, хотя, может быть, очень краткий, обедать, спать. В кают-компании ничего особенного: по-прежнему читают, пишут; курят: почему ж и не покурить, не почитать перед смертью? "А если канат не лопнет?" Эта надежда даже внушает некоторым веселые мысли: вон Б. по обыкновению дразнит У.; сердит З.; этот последний по обыкновению хохочет. К ночи все легли спать, ко-

нечно занятые одной мыслью...

Утром... Утром солнце кротко сияло над укротившимся океаном, буруны с журчаньем тихо переливались через каменную гряду: мы залюбовались, глядя на нее. Мы чуть-чуть скользим мимо рифов, минуем вход и подбираемся к берегу. Берег блещет яркими лучами солнца, улыбается, как будто поздравляет с избавлением от опасности. А ночь, а тоска, томительное ожидание? Э! подите! до того ли? Зовут на берег: прощайте!

В другой раз - это было в июне месяце того же года: мы пробирались по Татарскому проливу, к берегам Сибири. Мы дошли до того места, где остановился знаменитый французский мореход Лаперуз и не пошел дальше. В то время неизвестно было, отделяется ли остров Сахалин от Азиатского материка проливом или соединен с ним. Задача эта решена практически, на деле, очень недавно, если не ошибаюсь, в 1851 году, русским транспортом "Байкал". Он первый пробрался по бесчисленным мелям Амурского лимана между Азиатским материком и островом Сахалином и благополучно вышел в Охотское море. Лапе-

руз, дошедши до глубины шести сажен, ожидал, и весьма основательно, что глубина будет все уменьшаться и поставит его в затруднительное положение. Если б к решению этого вопроса присоединялись какие-нибудь выгоды, то не он, так другие, например, ученые американские китоловы, давно бы простерли свои изыскания до этих мест. Но ничто не манило туда: слева тянется пустой, лесистый, ненаселенный маньчжурский берег, на который не ступала нога пытливого наблюдателя, где зима на полгода почти так же сурова, как у полюсов. Известна только линия берега, но что дальше - никто не знает, никто не был, не рылся там. Не видать ни одной хижины, ни засеянного поля; редко-редко появится полунагой житель, гиляк, или уродливая гилячка, в звериной шкуре, с ребенком за спиной, не то проскользнет байдарка дикого рыболова. Или медведь придет к берегу половить рыбы, в период ее перехода из одного моря в другое. Справа тянется - узенькой, утопающей в море полосой, песчаный берег Сахалина: там, кроме мелкого кустарника, ничего не видеть и не слышать. Тишина невозмутимая и

на земле и в воздухе. Что могло приманить туда? Другое дело, если б американцы или англичане заподозрили там золото, каменный уголь, сейчас бы снарядили, во имя науки и человечества, ученую экспедицию, начали бы просвещать дикарей, делать их людьми.

Мы пошли дальше Лаперуза, не думая ни о золоте, ни о каменном угле; эти места соприкасаются с нашими владениями, тамошние дикари - наши соседи: нам сроднее всех следовало узнать эти места, описать их во всеобщее сведение и, может быть, населить их. Колонизация, то есть заселение и обрабатывание пустых мест, со времен глубокой древности всегда было обязанностью образованных наций. Вспомните финикийян, греков и других. Впрочем, мы с фрегатом не с этой целью пустились по следам Лаперуза, а просто мимоходом: нам лежал путь к берегам Сибири, где, по случаю войны, назначено было сборное место всем нашим судам, находившимся тогда в Восточном океане. Туда впоследствии прибыли фрегаты "Диана", "Аврора", корвет "Оливуца", шкуна "Восток" и некоторые суда Американской компании.

Вы, конечно, знаете, что в Татарский пролив, под 55° сев. широты, вливается огромная река Амур: она образует при устье [так] называемый барр (barre), или порог, наносимый ею из песка и ила. Такой барр образуется у устья всех больших рек, вливающихся в океаны. Барр очень часто меняется, смотря по течению реки, то есть одно лето она промывает прежний барр и наносит преграду дальше, в другое время главная струя течения берет другое направление, и там образуется и барр, а с ним и множество наносных мелей. Все это засоривает фарватер и затрудняет плавание. Нам, вместо волн и ветров, предстояла скучная, утомительная борьба с мелями. Надо было завоевывать каждый вершок пространства: возни, работы, бессонных ночей и усталости было гораздо более, нежели в открытом море, в ураган. Там сделают, что надо сделать по правилам, уберут парус, спустят брам-стенги, укрепят двойными таями (веревками) пушки, чтобы они не вздумали оторваться, и потом отдыхают. А тут несколько шлюпок идут вперед, ощупывая поминутно лотом (длинная веревка с свинцовой гирькой) дно,

на судне беспрестанно меняют то тот, то другой парус, бросают или поднимают якорь. Сколько раз достаточная глубина заманит на такую дорожку, что и выхода нет: дальше окажется мелко, надо сворачивать. Каково воорочать судно, которое сидит в воде четыре сажени! Часто в сутки делали миль двадцать, а иногда и меньше.

Хотя мы были на севере, почти у себя, но июнь везде июнь: тепло, погода ясная. Оба берега в виду: ветры и волны уже не страшны нам в местах, отовсюду запертых берегами. Тихо, как в реке; приятно читать, срисовывать виды. К нам ездили тунгусы и гиляки, возили рыбу, пили с матросами водку, стреляли медведей и лосей. Уж пахло "дымом отечества": еще несколько дней, много-много недель две, и мы у себя дома. Однажды вечером утомились работой и бросили якорь на глубине семи или восьми сажень: чего лучше, безопаснее? Все занялись своим делом; в кают-компании пили чай, разговаривали о войне, о России, кто лег спать. Я, с начальником экспедиции, ходил по шканцам (это парадная часть на судне). Вдруг с севера подул умерен-

ный ветер: пусть себе, никто и внимания не обратил. Но вместе с этим на носу фрегата раздался глухой звук, как будто отдаленного пушечного выстрела, и фрегат свободно двинулся по ветру. Несколько матрос побежали с носа на шканцы. "Канат лопнул, канат лопнул!" - тревожно кричали они. "Ну, не кричать!" - строго сказал адмирал и, оборотясь к вахтенному офицеру, приказал отдать другой якорь. Приказание тотчас было исполнено, и все успокоилось. "Слава богу, что лопнул теперь, а не тогда, у Лючу!" - сказал я. Но и то - не слава богу. Пока отдавали другой якорь, нас отнесло с прежней глубины сажень на тридцать назад, и под фрегатом стало глубины вместо трех или четырех сажень всего какая-нибудь сажень. Потолковали о новой неожиданной на завтра работе отыскивать оторвавшуюся цепь с якорем, поднимать последний - и разошлись. "Завтра сойдем", - сказал я, уходя, вахтенному офицеру. "Да, - отвечал он, если мы стоим на малой воде..." - "Как так?" - "Так: ведь неизвестно, на прибыль или на убыль идет вода; ну, если теперь прилив, а к утру начнется отлив..." Я не дослушал и

ушел спать. "Большая важность! - думал я, - что тут, разобьет, что ли, в этой луже? до берега версты три, шлюпок у нас множество..." И лег спать. Утром не сам я проснулся, не Фадеев разбудил меня, а сильный толчок, так что я припрыгнул на постели и быстро вскочил. Я думал, что спускают шлюпки на воду: эта операция всегда сопровождается некоторым шумом, однако ж не таким. "Что за странность..." - начал было я рассуждать, желая определить, какого рода был толчок. Вдруг опять толчок, сильнее прежнего; на шканцах что-то затрещало. "Сосед!" - кричал я к К.Н.П[осьету] через перегородку. "Что вам?" - откликнулся он. "Что это за толчки?" - "Мы на мели!" - сказал он, я хотел выйти на палубу - новый толчок: я покачнулся в дверях. Все на палубе: все начальство и матросы. "Живо, живо, скорей!" - раздавалась торопливая команда. Матросы не ходят, а бегают на шпигеле, наматывая канат. Беда: надо поднять якорь, поставили паруса, чтоб сдвинуться с мели, а каната еще много. "Что это?.." - спросил я у мичмана П. Он хотел что-то ответить, но вместо того мы оба прыгнули в разные

друг от друга стороны - от нового толчка. Наверху бизань-мачты опять сильно затрещало: мы инстинктивно бросились от нее прочь, к грот-мачте. Но ведь и та может также затрещать, тогда... Я не додумал: фрегат сильнее прежнего грянулся о дно. Мы молча переглядывались между собой, как будто спрашивая один у другого, чем это может кончиться. Иной хотел улыбнуться и не мог. "Хорошо еще, что дно песчаное, - сказал один, - а если б камни..." Вдруг еще удар: надо было схватиться за пушечные тали, чтоб не упасть. Опять переменишь место без цели, без смысла, а так, машинально. Хотя дно и песчаное, но если постучит хорошенько о него часа три тяжело нагруженное, притом старое судно, с пятьюдесятью двумя огромными пушками, то не устоит ни киль, ни обшивка, дно раздастся. Утонуть было трудно на полутора сажнях глубины и в трех верстах от берега, но быть разбитым, изувеченным, убитым предстояла полная возможность. От сильных ударов мачты не устояли бы на месте, они повалились бы набок и опрокинули судно. Да еще прежде падения самых мачт, от постоянного и силь-

ного сотрясения их, полетел бы, конечно, рангоут (верхние составные части мачт, стеньги, брам-стеньги), рей, марсы: все это, если смотреть издали, похоже на зубочистки, а между тем одна такая зубочистка весит пуд пятнадцать, другая более, третья менее - и все валилось бы на палубу, в кучу людей. Как знать, куда отойти, укрыться? Уйти в каюту? но брошенные с размаху и с высоты десяти, пятнадцати сажен двадцать пуд прошибут и не дощатые полы и покрышки. Потом, когда остов судна опрокинется, кто может быть уверен, что не попадет под падающую пушку, станок, шлюпку? Удастся ли устоять на ногах, удержаться и выкарабкаться... да - боже мой! Как рассчитать и предвидеть все последствия от такого события? Пусть скажут вам, что опрокинется дом на сторону - это все то же. Вот отчего мы кидали друг на друга вопросительные взгляды и машинально, при каждом толчке, меняли места. Конечно, все, кто уцелеет, доберутся до берега, да кто именно уцелеет? Этот вопрос был у всякого в голове. "Живо, скорей!" - повторялась команда, впрочем, без надобности, потому что живей и скорей

работать было невозможно. Между тем еще толчок, через пять минут опять, потом еще новый сильнее и новый обмен значительных взглядов и ожидание нового толчка, который и не замедлил повториться. Ветер свежеет и попутный - ах, если б не якорь!.. Конечно, можно расклепать цепь, да теперь это возьмет не меньше времени, сколько нужно, чтоб сняться с якоря. А тут толчок за толчком: "Скоро ли конец?" - думаешь в тоске. "Якорь встал!" - кричат несколько обрадованных голосов, то есть приподнялся на дне. Но это еще не все, надо поднять его со дна - и тогда все кончено. "Ну, слава богу!" А между тем раздался удар самый сильный, так что голова закружилась. Теперь на фок-мачте что-то затрепало. Следующий будет еще сильнее... Я уперся ногами в палубу, чтоб не упасть, ухватился за веревки и напряженно ждал. Вот поднимает, поднимает фрегат, сейчас хватит... Ах ты, боже мой! Но... толчка не было: что это? фрегат движется вперед: мы сошли, только лишь якорь подняли. Ну, слава богу! Пойдемте пить чай.

Через полчаса все забыли об этом и за ча-

ем говорили совсем о другом.

Примечания

Кук Джеймс (1728-1779) - английский мореплаватель. Совершил три кругосветных путешествия, открыл новые земли в Тихом океане.

Франклин Джон (1786-1847) - английский полярный исследователь. Погиб во время экспедиции, имевшей целью отыскать морской путь из Европы в Азию вдоль берегов Северной Америки.